

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ
КОНТЕКСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ЛОСЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЭМКИ»
«РУЖЬЕ»)**

© **Гудкова Светлана Петровна** (2021), ORCID: 0000-0002-5894-6347, SPIN-код: 6497-9389, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), dep-general@adm.mrsu.ru

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью осмысления литературных контекстов в творчестве отечественных поэтов-постмодернистов. В работе впервые рассматриваются особенности поэтического диалога одного из них, Л. Лосева (1937–2009), с русской классической литературой. Объектом изучения выступает произведение Л. Лосева «Ружье. Петербургская поэмка», впервые опубликованное в 2000 г. и представляющее собой своеобразную реинтерпретацию знаменитой повести Н.В. Гоголя «Шинель». В статье выявляются формы присутствия «чужого текста» в указанном произведении Л. Лосева, устанавливаются контекстные связи его «петербургской поэмки» с образами и сюжетами произведений как Н.В. Гоголя, так и Ф.М. Достоевского, К.И. Чуковского, И. Бродского, Ю. Алешковского и других русских писателей XIX–XX вв. Кроме того, в статье подвергаются описанию и анализу особенности языка, стиля, ритмико-интонационного рисунка и композиции лосевского текста. В ходе исследования делается вывод о том, что литературная игра, затеянная Л. Лосевым со знаковыми фигурами русской классической литературы, регулярно используемое им нанизывание разнообразных литературных контекстов – это осознанная авторская установка, направленная на переосмысление творческого наследия русской классической литературы, а также на утверждение, пусть и не совсем очевидное, ее нравственно-эстетических ценностей. В работе доказываются, что пародирование, самоирония, аллюзивность, цитация являются отличительными чертами поэтики Л. Лосева. Автор «Ружья» не просто предлагает читателю один из возможных вариантов классического художественного текста, а демонстрирует основные стратегии восприятия современной поэзией литературного наследия.

Ключевые слова: Л. Лосев, современная поэзия, жанр поэмы, литературная игра, поэтический диалог, традиция.

Обращение к классической традиции отечественной литературы, аллюзивность, филологическая игра с наследием прошлого, его

деконструкция – всё это отличительные черты современной поэзии. Авторы часто, пересматривая художественное творчество предшественников, вступают в открытый диалог с классиками русской литературы. При этом поэты не ставят своей целью «сбросить с парохода современности» Пушкина, Достоевского, Толстого, а предлагают снять «хрестоматийный глянец» (В. Маяковский) с произведений великих писателей, расширить культурно-поэтическое пространство исходного текста.

Уместным будет вспомнить и тот факт, что «генетическая память» (С.Г. Бочаров) – это прерогатива не только литературного постмодернизма, но и всей предшествующей ему литературы. Вопрос о статусе и содержании указанной категории не раз поднимался в работах ведущих филологов XX века: А.Л. Бема, М.М. Бахтина, В.Н. Топорова и др. С.Г. Бочаров, анализируя соответствующие взгляды отечественных мыслителей, выделяет общность их подходов: так М.М. Бахтин «передачу и воспроизведение через пространства и времена очень сложных мыслительных и художественных комплексов» называет «культурно-исторической телепатией» [Бочаров 2007, 323], А.Л. Бем – «литературной памятью», «припоминанием» [Бем 2001, 35]. С.Г. Бочаров в своих работах, поднимающих проблему литературных влияний, говорит о своей близости бемовскому пониманию названного феномена, о существовании «некой объективной, сверхличной литературной памяти, в которой и совершается сохранение и передача <...> смысла» [Бочаров 2007, 545]. В центре его исследований последних лет оказывается «генетическая память» художественного наследия Ф.М. Достоевского, вступающего в диалог с предшествующей литературной традицией [Бочаров 2007].

Обратим внимание на мысль С.Г. Бочарова о том, что классики русской литературы часто на бессознательном (платоновском) уровне обращались к сквозным сюжетам и образам национальной литературы, отдельным высказываниям. В то же время писатели-постмодернисты «ревизию» литературных традиций превратили в один из характерных приемов поэтики. Со всей очевидностью данное литературное явление представлено в крупных жанровых формах лирики: в поэме, романе в стихах, учет жанровых особенностей которых позволяет наиболее выразительно и всесторонне представить механизм деконструкции классического произведения. Среди подобных текстов можно выделить «Евгения Онегина» Д. Пригова,

«Историю села Перхурова» Т. Кибирова, «Онегина» и «Пересказку о золотой рыбке» С. Сеничева, «Тамань» Г. Шульпякова и, конечно же, «Ружье» Л. Лосева.

Объектом рассмотрения в настоящей статье является ряд диалогических переключек «петербургской поэмки» Л. Лосева «Ружье» с классической литературной традицией.

Поэтическое творчество Л. Лосева, принадлежащее к «филологической» школе, имеет неоднозначную трактовку в отечественной критике. Одним из первых высокую оценку его поэзии дает И. Бродский. Сближая общую тональность стихов своего современника с основополагающими чертами творческой индивидуальности такого поэта первой половины XIX века, как П.А. Вяземский, он называет Л. Лосева поэтом «крайне сдержанным» [Гандлевский 1998]. Современным исследователям, напротив, интереснее «видеть этого сдержанного человека – раскрепощенным» [Арьев 2007, 135]. С. Гандлевского как читателя поэзии Л. Лосева привлекает прежде всего «естественность» его стихов. Под этим качеством он понимает «капустничество, кураж, малогабаритный, но полнокровный карнавал» [Гандлевский 1998]. М. Айзенберг способен описать его поэтику только в определениях постпоэзии: «иронический коллаж, цитатность, жанровая амбивалентность (перманентное "опрокидывание" высоких жанров в низкие и наоборот)» [Айзенберг 1997]. Соглашаясь с вышеперечисленными особенностями поэтики интересующего нас автора, вряд ли возможно безоговорочно отнести его творчество к постмодернизму: «Лосев вполне традиционный лирик, в стихах он изливает душу, для того и все словесные новации. Лосев ступил на виток "новой искренности" задолго до того, как этот выход стали нащупывать российские поэты, когда начался спад актуальности концептуализма» [Панн 2006, 211].

Действительно, обладая хорошей филологической базой (профессиональный филолог, литературовед и писатель) этот поэт демонстрирует разнообразные лексико-семантические, фонетические приемы создания художественного образа; накладывает на поэтическую ткань оригинального текста многообразные историко-культурные пласты, но при этом всегда через призму «словесной эквилибристики» проступает внутреннее «я» лирического героя, болезненно реагирующего на несовершенство современного общества. Доказательством этого может служить его поэма «Ружье», данная с подзаголовком «Петербургская поэмка».

В ней Л. Лосев предлагает поэтическую версию гоголевской «Шинели», выросшей из «канцелярского анекдота» о несчастном чиновнике, некогда взволновавшего Гоголя. Одна из важнейших тем русской литературы – тема «маленького человека» – получила новое звучание в лосевском тексте: «Что нам шинель! поскольку наша цель / есть цель ружья, отнюдь не цель шинели» [Лосев 2000, 143]. Обилие авторских комментариев, уточнений, ссылок на первоисточники с указанием страниц («Литературные воспоминания» П.В. Анненкова), точное следование фабуле рассказанной истории о романтической мечте чиновника, грезившего о ружье, указание конкретной даты написания (1 июня 1837-го года) – всё это позволило современникам интерпретировать данный текст не только как «истинно поэтическую вещь», но одновременно и как «трактат о поэтике», в котором автор учит, «как делать стихи» [Фаликов 2001, 50].

При анализе данного произведения необходимо учитывать именно совокупность отмеченных свойств текста: особую лиричность, связанную с авторской позицией, и филологическую основу сюжета поэмы. Уже само уточняющее определение жанра, «петербургская поэмка», вторая часть которого («поэмка»), безусловно, заимствовано у Ивана Карамазова, порождает двойственность восприятия. С одной стороны, уменьшительная форма слова «поэмка» настраивает на незначительность, развлекательность содержания. С другой – опосредованная отсылка к авторитетной фигуре Ф.М. Достоевского, русского писателя-мыслителя, явно ориентирует на философское осмысление предложенного варианта текста. Возможен и другой подход к трактовке аллюзивного характера жанра: «Легенда о Великом Инквизиторе» создана Иваном Карамазовым в свое оправдание и даже представляет собой его «саморазоблачение» [Бочаров 2007, 249]. В любом случае, определяющим становится начало первой части поэмы: «Поэты часто сходят за богов, / поскольку в нечто оформляют Хаос» [Лосев 2000, 143].

Таким образом, создавая текст поэмы, Л. Лосев ориентируется на классические образцы. На первый план в поэтическом произведении выдвигается гоголевская традиция, но по мере развития сюжета автор активно опирается на мотивы, образы и манеру письма А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.А. Бродского, Юза Алешковского, М.Ф. Еремина и др., что также обозначено в авторском примечании [Лосев 2000, 146].

Гоголевский сюжет лежит как бы на поверхности текста «Ружья», выстраивается из первоначального замысла (рассказанный анекдот); фонетической и семантической близости фамилии, имени и отчества главного героя («Аркадий сын Аркадьев Сапогов»); обрисовки его портрета, быта и обстоятельств жизни («пешком на службу бегал, задыхаясь»), представленных в традиции «натуральной школы» («Нет, это чертики кривлялись, / в остывших копошась углях / глаз, стыли слюнкою в углах / губ и тянули к низу губы. / Гноясь, инкубы и суккубы / слепляли перепонки век...») [Лосев 2000, 144]. Л. Лосев передает и одержимость гоголевского героя в осуществлении своей мечты, принесение в жертву ей всей жизни: «День изо дня ел со сметками щи. / Сметки из щей обычно на второе. / А на десерт вместо бланманже / работа сверхурочная. Одежда / нас навела б на мысль о божье, / хотя водились денежки. Но те, что / водились, он не тратил ни на что, / <...> / Копил копейки, накопивши сто, / менял на рубль и прятал под постелью. / Печь не топилась. Мерз <...>» [Лосев 2000, 144].

Гоголевское присутствие ощущается и в письме г-на Плинке своему другу, в котором, помимо непонимания русского национального характера, присутствуют и сведения о проданном некому «нищebroду» ружье. Достоверность представленного автором письма создается макороническим стилем (соединение французской лексики и русского перевода), а также подкрепляется ссылками и уточнениями из мемуаров П.В. Анненкова. Содержание письма, снабженного русским переводом, рождает прием авторского отстранения. Общее впечатление о России и русских передается через взгляд иностранца: «Старина, я пишу тебе из жалкой страны, где земля плоска, а небо над ней пепельно, где мужчины и хлеб кислы, а дамы пресны, где все говорят на французском, который звучит, как проклятый русский. <...> Он сводит меня с ума, этот край шиворот-навыворот, где ночи белы, а тиранам дают прозвище "великий", где мужики зовут друг друга "голубь мой сизый" и одетые в тряпье нищие роскошествуют. Твой Плинке, С.-Петербург, Невский, 16» [Лосев 2000, 145]. Помимо сатирического описания современной российской действительности (мало изменившейся с гоголевских времен), автор в духе «натуральной школы» передает «красоту» ружья, достойным обладателем которого мог быть сам «Великий князь»: «Раз даже заходил Великий Князь, / поднес к плечу, зачем-то в дуло дунул, / об-

следовал замок и, прицелясь, / полез в карман... вздохнул и передумал» [Лосев 2000, 145].

Следуя за общим содержанием гоголевской «Шинели», создавая определенный «дух» присутствия классика русской литературы, Л. Лосев меняет общую тональность произведения о «бедном чиновнике». Сапогов, в отличие от Башмачкина, окружен пониманием, сочувствием и состраданием. Композиционный принцип, избираемый современным автором, помогает создать атмосферу теплоты и дружеского участия. Этому способствуют и эпиграф («С любовью и благодарностью посвящается гражданину петербургской Коломны Владимиру Васильевичу Герасимову»), отсылающий к некрасовской поэме «Коробейники», и название всех пяти частей поэмы (I. Бланманже не кушал-с; II. «Blasted Russian»; III. Блаженство и несчастье; VI. Благородство товарищей; V. Благополучное завершение; Благоглупости: Отвергнутое вступление в поэмку).

Иначе представлен у Л. Лосева и сам образ главного героя: «Это не кроткий Башмачкин, а сильная личность, мечтающая осуществить свое «я-хочу» [Барковская 2004, 214]: «С летающим! высоко! над землей! / соединиться в громовом разряде!» [Лосев 2000, 144].

«Переворачивает» автор и чиновничий мир, окружающий главного героя. Это уже не равнодушный мир казенной канцелярии, а сплоченный товарищеский коллектив, сродни «пушкинскому братству». Поэтому не случайно в четвертой части произведения доминирующая гоголевская идея: «Нет уз святее товарищества» приобретает множество контаминаций: «Товарищам сегодня не до дел. / Не все же стулья протирать портами. / Как улей, департамент загудел. / Охвачен состраданьем департамент. / И каждый в горле проглотив комок, / заначку окатив слезой соленой, / в складчину отдавал, что только мог – / по желтому, по синей, по зеленой <...> «Т.т. Товарищи Мои! / Трезвеет мысль, омыта в алкоголе. / Нет чувств превыше дружбы и любви, / нет хуже зла, чем ... Да кому какое!» [Лосев 2000, 147].

В пространстве поэтического текста автор соединяет множество «чужих голосов», контаминирует разнообразные историко-культурные и литературные эпохи, активно вводит современный сленг («бомж», «шмотье»), играет словами, «каламбурит» («гоголос ангельский», «гоголем, сам черт ему не брат», «кумир-чумир» и др.), что дает основание говорить о явном ироническом подтексте представленной на первый взгляд «благополучной» истории. Комбини-

руя прозаический и стихотворный тексты, используя квазинаучные примечания, автор ставит вполне определенную цель: не только передать тоску по уходящему в прошлое классическому наследию, но и приблизиться к нему, погрузиться в притягательную атмосферу жизни и творчества «знакомых-незнакомцев». В действительности сюжет поэмы абсурдный, лишен какого-либо внятного смысла, затруднен введением разного рода алогизмов, вполне соотносимых с авторскими комментариями: «А на вопрос "Как сделана шинель?" любой дурак ответит в самом деле. Известно, как: берется рыбий мех и сквозь неведомые миру слезы простегивается видный миру смех бессмыслицы, поэзии и прозы» [Лосев 2000, 143]. Предложенному «рецепту» и следует автор «Ружья», позиция которого отчетливо обозначается в приложении к поэме «Благоглупости». Эпиграф данной части, взятый поэтом из творчества Ю. Алешковского («...спросил, вскинувшись и в миг перестав походить на Н.В. Гоголя...»), помогает Л. Лосеву выйти из «тени» своих литературных героев, обнаружить истинное авторское отношение к великому классику русской литературы: «...я Lev Loseff, здесь не рай / гений – никогда не ангел, / ты не ангел, Николай» [Лосев 2000, 148].

Панибратское отношение современности к наследию прошлого звучит у Л. Лосева, как и у большинства его современников, не иронически-вызывающе, а, напротив, драматически-напряженно [Жолковский 2008]. Абсурдность ситуации: разговор автора с памятником Гоголю, приглашающий «благоразумного» писателя к диалогу, подкрепляется введением в текст разного рода детских «небылиц», считалок, зазывалок, кричалок. На помощь современному автору приходит один из самых известных детских писателей – К.И. Чуковский, со своим «перевернутым миром», не поддающимся логике взрослого человека: «"Ты зачем монумент трогать? / Что ты лаешь, как собак?" / Тут приподнял веки Гоголь: / "Уходи домой, дурак..." / Представитель заграницы / убежал, как от огня, / и чугунные ресницы / поднял Гоголь на меня» [Лосев 2000, 148]. Определяющим эпитетом последней части поэтического текста является эпитет «чугунный», что символизирует монументальность классической традиции, ее незыблемость в веках. Но поэта более всего беспокоит шаблонность, однолинейность в восприятии такого неоднозначного реалиста, как Н.В. Гоголь. Поставив русскую классическую литературу на исторический пьедестал, современники склонны безоговорочно принимать предложенные оценки творчества великих писателей,

часто превращающие их в клишированные культурные ценности: «Мной зачитан и отчитан, / в знак согласия молчит он, / больше думая о том, / как бы люди-человеки, / из Варяг шагая в Греки, уши, щеки, нос и веки / не снесли в металлолом, / чтоб хлебнуть по полстакана. / Утешаю Истукана: "Мы другого отольем"» [Лосев 2000, 148].

Отвергнутый гоголевский сюжет получает в поэме Л. Лосева новую жизнь. Это не просто один из возможных вариантов художественного текста, а поэтически обыгранная ситуация современного восприятия литературного наследия: «Из-под пятницы в субботу, / после дождичка в четверг, / можно, я возьму в работу / тот сюжет, что ты отверг? / Как яичница-глазунья, / прошипи: si, ja, yes, oui. / На твое благоразумье – благоглупости мои» [Лосев 2000, 148].

Литературная игра, затеянная автором со знаковыми фигурами «золотого века», нанизывание разнообразных литературных контекстов – это своего рода попытка «освободиться от пошлости и устаревшего материала, неявное следование традиции путем обновления ее изнутри. Стремление к обретению новой гармонии, допускающей диссонансы» [Скворцов 2005, 133].

Поэтика Л. Лосева близка к старинной смеховой традиции, главным свойством которой является проверка «на прочность окруженных безоговорочным почитанием культурные авторитетв и установлений» [Гандлевский 1998]. Отсюда проистекает отличительная черта его творчества – тяготение к цитатности, аллюзивности, литературной рефлексии. Однако следует заметить, что «чужое слово» в творчестве поэта не есть прямое подражание предшественнику. Это осознанная реинтерпретация со сменой смыслов и кодов, направленная на утверждение нравственных ценностей русской классической литературы.

Источники

Бахтин 2002 – Бахтин М.М. <Дополнения и изменения к «Достоевскому»> // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 301–367.

Бем 2001 – Бем А.Л. *Исследования. Письма о литературе*. М., 2001.

Лосев 2000 – Лосев Л. *Ружье. Петербургская поэмка* // Звезда. 2000. № 5. С.143–148.

Лосев 1996 – Лосев Л. *Подражание* // Лосев Л. *Новые сведения о Карле и Кларе*: Третья книга стихов. СПб., 1996. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/losev2.html> (дата обращения: 19.04.2021).

Литература

Айзенберг 1997 – Айзенберг М. *Литература за одним столом* // Литературное обозрение. 1997. № 5. С. 66–70. URL: http://www.newkamera.de/aisenberg/aisenberg_o_03.html (дата обращения 12.03.2021).

Арьев 2007 – Арьев А. *Нечувствительный Лосев* // Звезда. 2007. № 6. С. 134–139.

Барковская 2004 – Барковская Н.В. *Диалог с литературной классикой в современной поэзии* // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 7. Екатеринбург, 2004. С. 204–217.

Берг 2000 – Берг М. *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. М., 2000.

Бочаров 2007 – Бочаров С.Г. *Филологические сюжеты*. М., 2007.

Гандлевский 1998 – Гандлевский С. *Поэтическая кухня*. СПб, 1998. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2F> (дата обращения 20.04.2021).

Жолковский 2008 – Жолковский А.К. «Пушкинские места» Льва Лосева // Звезда. 2008. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/2/zh15.html> (дата обращения 20.04.2021)

Панн 2006 – Панн Л. *Лев Лосев. Как я сказал* // Знамя. 2006. № 3. С. 209–212.

Скворцов 2005 – Скворцов Э.А. *Игра в современной русской поэзии*. Казань, 2005.

Фаликов 2001 – Фаликов И. *Повседневность* // Арион. 2001. № 4. С. 48–61.

THE REINTERPRETATION OF THE LITERARY CONTEXTS IN THE WORK OF L. LOSEV (BASED ON THE MATERIAL OF *THE PETERSBURG POEM, THE GUN*)

© **Gudkova Svetlana Petrovna** (2021), SPIN-code: 6497-9389, ORCID: 0000-0002-5894-6347, Doctor of Philology, Associate Professor, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation), dep-general@adm.mrsu.ru

The relevance of this article is underlined by the need to interpret literary contexts in the work of postmodern poets. The article is the first to examine the features of L. Losev's poetic dialogue with Russian classical literature. The object of study is the work of L. Losev *Ruzh'e (The gun)*, *Peterburgskaya poemka (The Petersburg's poem)*, first published in 2000 as a reinterpretation of the novel by N.V. Gogol *Shinel (The Overcoat)*. The article reveals the forms of "someone else's text" in the work of a modern author, establishes contextual connections with the images and plots of the works of N.V. Gogol, M. Dostoevsky, K.I. Chukovsky, J. Brodsky, Y. Aleshkovsky, and other Russian writers of the XIX–XX century. The study provides a de-

scription and analysis of the language, style, rhythmic-intonation pattern, and composition of the poem. The author's literary game with the iconic figures of Russian classical literature, the stringing together of various literary contexts are deliberate and aimed at rethinking the creative heritage of Russian classical literature, as well as at affirming its, not always apparent, moral and aesthetic values. The paper proves that parody, self-irony, allusiveness, and citation are the distinctive features of L. Losev's poetics. The author does not just offer one of the possible variants of the literary text but demonstrates the nature of the perception of modern poetry of the literary heritage.

Keywords: L. Losev, modern poetry, poem genre, literary game, poetic dialog, tradition.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Барковская 2004 – Barkovskaya N.V. *Dialog s literaturnoj klassikoj v sovremennoj poezii* [Dialog with literary classics in modern poetry]. Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya. Ekaterinburg, 2004, vol. 7, pp. 204–217. (In Russian).

(Literary Magazines' Articles)

Айзенберг 1997 – Ajzenberg M. *Literatura za odnim stolom* [Literature at one table]. Literaturnoe obozrenie. Available at: http://www.newkamera.de/aizenberg/aizenberg_o_03.html (accessed 12.03.2021). (In Russian).

Арьев 2007 – Ar'ev A. *Nechuvstvitel'nyj Losev* [Insensitive Losev]. Zvezda, Moscow, 2007, vol. 6, pp. 134–139. (In Russian).

Жолковский 2008 – Zholkovskij A.K. «Pushkinskie mesta» L'va Loseva ["Pushkin's Places" of Lev Losev]. Zvezda, Moscow, 2008, vol. 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/2/zh15.html> (accessed 20.04.2021). (In Russian).

Панн 2006 – Pann L. *Lev Losev. Kak ya skazal* [Lev Losev. As I said]. Znamya, Moscow, 2006, vol. 3, pp. 209–212. (In Russian).

Фаликов 2001 – Falikov I. *Povsednevnost'* [Everyday life]. Arion, Moscow, 2001, vol. 4, pp. 48–61. (In Russian).

(Monographs)

Берг 2000 – Berg M. *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* [Literaturokratiya. The problem of appropriation and redistribution of power in literature]. Moscow, 2000. (In Russian).

Бочаров 2007 – Bocharov S.G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological plots]. Moscow, 2007. (In Russian).

Гандлевский 1998 – Gandlevskij S. *Poeticheskaya kuhnya* [Poetic inner workings]. SPb, 1998. Available at: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2F> (accessed 20.04.2021). (In Russian).

Скворцов 2005 – Skvorcov E.A. *Igra v sovremennoj russkoj poezii* [The Game in Modern Russian Poetry]. Kazan', 2005. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2021